

Виктор Калитвянский

12+



1917. НАРОД И РЕВОЛЮЦИЯ

Виктор Иванович Калитвянский

1917. Народ и революция

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63089146

SelfPub; 2020

Аннотация

Каковы причины русской катастрофы 1917 года? Кто виноват в этой катастрофе – правящие круги старой России, либералы, интеллигенция? Кто прав в историческом споре Василия Маклакова и Павла Милюкова о степени вины либерализма в русской трагедии? Какова роль народа – низовых слоев России – в русской революции? Кто победил в русской революции? Над этими вопросами размышляет автор – экономист, драматург, прозаик.

Содержание

1	4
2	17
3	22
4	36
5	43
6	54
7	60
8	67
Библиографические ссылки:	72

Виктор Калитвянский

1917. Народ и революция

1

Вот уже сто лет попыткам понять причины русской катастрофы – революции 1917 года.

Захватившие власть большевики поставили простой и ясный диагноз: *«Февральская революция смела царское самодержавие. Народные массы России, вдохновляемые партией большевиков, совершили буржуазно-демократическую революцию, чтобы покончить с империалистической войной, ликвидировать помещичье землевладение и передать землю крестьянам, установить восьмичасовой рабочий день, преодолеть голод, разруху и уничтожить национальный гнет... Однако пришедшее к власти буржуазное Временное правительство не удовлетворило народных требований... Только социалистическая революция и диктатура пролетариата могли удовлетворить чаяния народа: вырвать страну из войны, осуществить конфискацию помещичьих земель и передать их крестьянам, превратить фабрики и заводы в собственность всего народа, преодолеть хозяйственную разруху и опасность экономического краха, уничтожить нацио-*

*нальный гнет, неравноправие народов».*¹

Противники большевиков искали другие ответы.

Первыми, по-видимому, были русские религиозные мыслители, бывшие «веховцы», которые по горячим следам событий, летом 1918 года готовят сборник «Из глубины» (выйдет в свет тремя годами позже).

Вот что они писали.

«Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором – таков непререкаемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 года событий», – П.Б. Струве.²

«Никогда Русь не сквернилась таким количеством злодеяний, лжи, предательства, низости, бездушия, как в год революции», – А.С. Изгоев.³

«Если бы кто-нибудь предсказал еще несколько лет тому назад ту бездну падения, в которую мы теперь провалились и в которой беспомощно барахтаемся, ни один человек не поверил бы ему. Самые мрачные пессимисты в своих предсказаниях никогда не шли так далеко, не доходили в своем воображении до той последней грани безнадежности, к которой нас привела судьба», – С.Л. Франк.⁴

«Социальная революция на фоне русской действительности, несомненно, не выдержала испытания даже с точки зрения пользы. Русскому народу по существу не было никакого дела до социализма и вообще каких-либо теорий; ему

нужна была только земля, власть и связанные с достижением этой власти материальные блага, более же всего освобождение от тяжестей войны», – С.А. Аскольдов.⁵

Кто виноват в случившейся катастрофе?

«Революция произошла тогда, когда народ пошел за интеллигенцией. <...> Великое народное движение, во всяком случае, должно было произойти в результате кризиса русской жизни, усугубленного войной. Но путь, по которому пошел народ, был указан ему интеллигенцией. И в том, что революция приняла такой вид, виновны не одни большевики, но вся интеллигенция, их подготовившая и вдохновившая», – В.Н. Муравьев.⁶

«Вместе с ядом социализма русская интеллигенция в полной мере приняла и отраву народничества. Под этой отравой я разумею свойственную народничеству веру в то, что народ всегда является готовым, зрелым и совершенным, что надо только разрушить старый государственный порядок, чтобы для народа тотчас же оказалось возможным осуществить самые коренные реформы», – П.И. Новгородцев.⁷

«Как и почему случилось, что народ прозванный народом-богоносцем, стал народом-нигилистом, кощунственно попирающим все свои святыни? Как случилось, что народ, не без основания прославленный за свою нравственную кротость и чистоту, стал народом-убийцей, народом

неприкрытой корысти и всяческого нравственного распутства?», – С.Л. Франк.⁸

Что же делать? Что предлагали русские философы?

«На том пепелище, в которое изуверством социалистических вожжаков и разгулом соблазненных ими масс превращена великая страна, возрождение жизненных сил даст только национальная идея в сочетании с национальной страстью. Это та идея-страсть, которая должна стать обетом всякого русского человека. <...> Она должна овладеть чувствами и волей русских образованных людей и, прочно спаявшись со всем духовным содержанием их бытия, воплотиться в жизни в упорный ежедневный труд», – П.Б. Струве.⁹

«Скоро русский народ предстанет перед миром в великом единстве и цельности. Против России грабежа, насилия и разнузданности встает грозной ратью Россия самопожертвования, строгости и подвига. Против Руси нечестивой, Руси разбойной поднимается Русь рыцарская», – В.Н. Муравьев.¹⁰

«Все мы, сыны единой России, согласно призыву старых вождей русского народа, должны стать на путь служения «великому Божьему и земскому делу». Только любовь к своему общенародному достоянию, к своей культуре, к своему государству исцелит и всех нас, и Россию от безмерно тяжких испытаний», – П.И. Новгородцев.¹¹

При всём уважении к русским религиозным философам

следует признать, что суть этого коллективного труда – всего лишь растерянный философский вопль. В этом вопле – недоумение, непонимание, ужас, проклятия собственному «народу-богоносцу», который разрушает историческое государство и самую плоть жизни; проклятия виновникам революционного хаоса – русской интеллигенции; надежда – только на господа бога и какого-то совсем другого русского человека, который одумается, прекратит насилие и разбой, проникнется новой «идеей-страстью» и встанет на путь служения «великому Божьему и земскому делу»...

Увы, вопреки надеждам авторов «Из глубины», русский народ не предстал перед миром в единстве и цельности. Наоборот, несколько лет шла ожесточенная гражданская война. Морок большевизма не рассеялся, и «Русь рыцарская» не смогла противостоять «Руси нечестивой».

Русская антибольшевистская мысль продолжала искать ответы в эмиграции. В дополнение к метафизическому анализу веховцев появились оценки причин революции, которые высказывали лидеры либеральной общественности – той самой, которая пришла к власти после падения монархии, но власть не удержала.

В 1929 году в Париже в журнале «Современные записки» начали публиковаться мемуарные статьи видного деятеля кадетской партии Василия Маклакова, которые позже, в 30-е годы, составят книгу его воспоминаний «Власть и общественность на закате старой России» (1936). Главная мысль

маклаковских мемуаров была такова: что либералы могли, но не сумели (или не захотели) договориться с действующей властью о совместной деятельности по реформированию существующего политического порядка и тем самым обрекли страну на катастрофу.

*«У либерализма не было самостоятельной силы, – писал Маклаков. – Она еще была у исторической власти, которая тогда готова была идти на уступки; при соглашении ее и либеральной общественности можно было идти путем эволюции и в союзе с исторической властью Великие реформы продолжать и закончить».*¹²

Маклаков полагал, что такое соглашение между властью и общественностью могло стать путем естественной, ненасильственной эволюции государства, но России не пришлось идти таким путем.

*«В этом вина общественности, пожалуй, больше, чем власти, – утверждал Маклаков. – Представители общественности, уверенные, что они все сами умеют, что страну они представляют, что она верит им, убежденные, что управлять страной очень легко, что только бездарность нашей бюрократии не давала проявиться всем талантам русского общества <...> Они не хотели унизиться до совместной работы с прежней властью; они соглашались быть только хозяевами. Они ими и стали в 1917 году на горе себе и России».*¹³

Взгляды Маклакова подверглись критике со стороны его

бывших однопартийцев. Многолетний лидер партии конституционных демократов (кадетов) Павел Миллюков писал, что Маклаков «*всегда был в партии при особом мнении <...> и разрешал себе <...> лишь минимум партийной дисциплины. <...> Он как бы остерегался подходить ближе к ежедневной деятельности партии, держа в уме, очевидно, те мысленные оговорки, которые теперь счел возможным сделать, «не вредя партии».*¹⁴

В ответ на обвинения в том, что кадеты прибегали к тактике борьбы со властью, когда нужен был компромисс, Миллюков отвечал, что «*эта борьба должна была вестись не революционными, а парламентскими методами: в этом и заключался смысл существования партии и ее воспитательная роль по отношению к обществу, – роль, которую Маклаков признает. Формы парламентской борьбы оказались неприменимыми вследствие непримиримой тактики власти (и Маклаков признает ее таковой). Но ведь эта неприменимость форм мирной борьбы и открыла путь методам революционным. Маклаков хочет, чтобы никакой борьбы не было, а был бы компромисс. Но бессилие партии компромисса во что бы то ни стало, каковой была партия октябристов, – бессилие компромисса на самой умеренной программе, – как нельзя лучше демонстрирует невозможность той роли, которую он навязывает кадетам и которую он считает истинным выражением русского либерализма».*¹⁵

Миллюков писал, что основной вывод Маклакова – «*тот,*

что либералы – главные виновники революции, ибо они изменили тому понятию, которое Маклаков для них составил, и не выполнили своей «исторической роли». И не «либералы» вообще, а именно кадеты, узурпировавшие право говорить и действовать от имени либерализма. Они виновны, без снисхождения, – и «история будет к ним еще суровее, чем их несчастные современники». <...> Как же поступит «история» с теми, кто сделал революцию неизбежной, и с теми, кто совершил ее фактически: с реакционерами и с революционерами? По Маклакову, история найдет для них смягчающие обстоятельства, которых он не находит для к. д.».¹⁶

Не одобрял Милюков и того обстоятельства, что бывший его соратник выдвигает на роль «истинного» либерала Петра Столыпина: «Маклаков вообще выбирает Столыпина в свои герои. <...> Он очень сомневается, чтобы кадеты в роли министров спасли Россию от революции <...> Но в чем Маклаков совершенно убежден, это в том, что Столыпин наверное спас бы Россию. И он обвиняет «режим» (т. е. царя), что он не узнал в Столыпине своего спасителя».¹⁷

«Маклаков, игнорируя политическая задачи Столыпина, – продолжает Милюков, – выдвигает на первый план «либеральное» значение его реформ, как уравнивающих крестьян с другими сословиями и вводящих право частной собственности вместо патриархальной общины. Маклаков не может не знать, что «ставка на крепких» мужичков сопровождалась ограблением менее состоятельных и этим пытались

*ответсти внимание крестьянства от дворянских земель. <...> Если Маклаков думает, что «история признала правоту Столыпина перед его противниками», то он забывает, что «история» начисто смела столыпинских хуторян».*¹⁸

*«Революции нельзя было предотвратить, – заканчивает Милюков, – и с этим, в противоречии с самим собой, невольно соглашается и Маклаков, так красноречиво говорящий о «смерти» режима и об «обреченности» императора. Но взять революцию в руки, канализировать ее было, по моему мнению, возможно в течение первого времени. <...> Умеренные социалисты очень слабо и неуверенно, но все же пытались бороться с большевизмом. Социалистические министры быстро приходили к пониманию значения государственности. Но это понимание только ускоряло их дискредитацию в массах. Процесс этот еще раз доказывает, что в игре действовали такие *forces majeures*, справиться с которыми стало с известного момента не под силу отдельным деятелям. Как жалко среди этого вихря событий <...> выглядит попытка навязать наиболее ответственную роль наименее ответственным – и потом судить их за то, что они оказались «ниже своей исторической роли».*¹⁹

Взгляды Маклакова, как нам представляется, нашли отражение в знаменитых мемуарах члена ЦК кадетской партии Ариадны Тырковой-Уильямс «На путях свободы». Воспоминания Тырковой-Уильямс имеют как бы две пересекающиеся и растворенные одна в другой части. Первая – это

собственно воспоминания о событиях вокруг работы первого русского парламента. Здесь автор с большой художественной силой воссоздает обстановку тех лет, не скрывая симпатии к освободительному движению начала 20-го века. Вторая часть – это разнообразные отступления, в которых даются оценки политическим деятелям, тактике и стратегии кадетов. В этих оценках чувствуется их «поздний», постфактум уже характер, видна солидарность автора мемуаров с основными тезисами Маклакова.

Едва ли не самым упорным и глубоким критиком Маклакова стал один из редакторов «Современных записок» эсер Марк Вишняк. Он опровергал самый главный вывод Маклакова – о том, что «прогрессивная общественность» не сумела договориться с властью о совместном реформировании русской жизни и этим предопределила будущее трагическое развитие событий.

По мнению Вишняка, Маклакову *«открываются только два прямолинейных пути: путь эволюции, или «соглашательства» со старой властью во что бы то ни стало, и путь революции, неизбежно ведущий, хотя и с проклятиями, но все же к приятию Октября. Такое геометрически-прямолинейное построение исторически неправильно и жизненно нереально. Оно не считается с тем фактом, что и в «революционной демократии» всегда существовало – от Герцена и до Чайковского и Брежневской – течение, которое вовсе не было энтузиастом революции во что бы то ни стало. Это*

*течение предвидело революцию, считало ее неотвратимой, но признавало ее не желанным днем, а днем роковым, отчаянным средством; хотя и неизбежной, но варварской формой прогресса».*²⁰

Вишняк напоминает, что Маклаков почему-то напрочь забывает тот факт, что путем «соглашательства» с властью, во что бы то ни стало, «партии эволюции» пытались идти долго и упорно. *«Воскрешат ли из забвения «работоспособность» столыпинской III-ей Думы, чтобы получить право утверждать, что считавшая себя либеральной русская общественность может быть обвинена в чем угодно, но только не в недостатке уступчивости, а иногда и прямой угодливости перед властью? Октябристская ли Дума не старалась «не открывать дверей революции»? Она ли не «помогала власти во всех её попытках двигаться в лучшую сторону, как бы ни было это движение незначительно»? Она ли не избегала «всякого шага, который мог толкать к тупику, из которого не было другого выхода, кроме общего взрыва». И к чему привел этот путь эволюции во что бы то ни стало? К тому, что не менее III-ей Думы законопослушная и патриотическая IV-ая Дума возглавила не ею подготовленный, а ею всячески приглушавшийся «общий взрыв!».*²¹

«Если бы даже все кадеты перестали быть кадетами и стали октябристами, – подводит итог Вишняк, – взрыв не был бы предотвращен. <...> Взрыв 17-го года был, действительно, всеобщим. И в нем так или иначе приняли участие

*не только «революционная демократия» и вся без изъятия «либеральная общественность», но и сановная и придворная бюрократия, министры и архиереи, почти вся царская фамилия... Если искать причин срыва революции и неудач её первого возглавления, их надо искать не там, где их ищет В. А. Маклаков, а как раз в противоположном направлении – не в недостаточной гибкости либеральных партий перед властью, а в избыточности их оппортунизма и приспособляемости».*²²

Ирония русской исторической судьбы заключается в том, что главный сторонник компромисса с царской властью «во что бы то ни стало» лидер «октябристов» Александр Гучков к 1916 году становится сторонником насильственной смены власти. «...*Вся хозяйственная, экономическая жизнь страны катилась под гору, потому что та власть, которая должна была взять на себя организацию... <...> тыла, была и бездарна, и бессильна, – говорил Гучков на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. – В этот-то момент для русского общества, по крайней мере, для многих кругов русского общества и, в частности, для меня стало ясно, что как во внутренней жизни пришли мы к необходимости насильственного разрыва с прошлым и государственного переворота, так и в этой сфере, в сфере ведения войны и благополучного ее завершения, мы поставлены в то же положение... <...> Вина, если говорить об исторической вине русского общества,*

закljučается именно в том, что русское общество, в лице своих руководящих кругов, недостаточно сознавало необходимость этого переворота и не взяло его в свои руки, предоставив слепым стихийным силам, не движимым определенным планом, выполнить эту болезненную операцию».²³

2

Наш великий писатель Александр Солженицын, закончив одну из частей «Красного колеса» – «Март Семнадцатого» – почувствовал *«органическую потребность: концентрированно выразить выводы из той массы горьких исторических фактов»*. В течение 1980-1983 г.г. он пишет большую статью «Размышления над Февральской революцией» и пытается понять причины революции.²⁴

С одной стороны, – полагает Солженицын, – к началу 1917 года *«российская монархия сохранялась ещё в огромной материальной силе, при неисчислимых достояниях страны. И к ведению войны<...> И – для сохранения внутреннего порядка: образ царя твёрдо стоял в понятии крестьянской России, а для подавления городских волнений не составляло труда найти войска»*.

С другой стороны, налицо была общая «моральная расшатанность власти», которая выражалась в том, что власть неспособна противостоять революционному хаосу. Эту расшатанность Солженицын объясняет *«мощным либерально-радикальным (и даже социалистическим) Полем в стране. Много лет (десятилетий) это Поле беспрепятственно струилось, его силовые линии густелись – и пронизывали, и*

подчиняли все мозги в стране, хоть сколько-нибудь тронутые просвещением, хоть начатками его. Оно почти полностью владело интеллигенцией. Более редкими, но пронизывались его силовыми линиями и государственно-чиновные круги, и военные, и даже священство, епископат (вся Церковь в целом уже стояла бессильна против этого Поля), – и даже те, кто наиболее боролся против Поля: самые правые круги и сам трон. <...> Поле струилось сто лет – настолько сильно, что в нём померкло национальное сознание и образованный слой переставал усматривать интересы национального бытия. Национальное сознание было отброшено интеллигенцией – но и обронено верхами. Так мы шли к своей национальной катастрофе».

У Солженицына в революции виноваты все.

Император Николай Второй: «сам более всех несчастный своею несилой, он никогда не осмеливался ни смело шагнуть, ни даже смело выразиться»; <...> Ему была вверена эта страна – наследием, традицией и Богом <...> Он предпочёл – сам устранился от бремени. Слабый царь, он предал нас. Всех нас – на всё последующее».

Монархия как институт – «как бы заснула. После Столыпина она не имела ясной активной программы действий, закинула в сомнениях. Слабость строя подходила к опасной черте».

Дворянство как класс – «столько получивший от России за столетия, <...> так же дремал, беззаботно дожидая, без

деятельного поиска, без жертвенного беспокойства, как отдать животы на благо царя и России. Правящий класс потерял чувство долга, не тяготился своими незаслуженными наследственными привилегиями, перебором прав, сохранённых при раскрепощении крестьян, своим всё ещё, и в разорении, возвышенным состоянием».

Церковь в дни величайшей национальной катастрофы «и не попыталась спасти, образумить страну. <...>Духовенство <...> утеряло высшую ответственность и упустило духовное руководство народом. Масса священства затеряла духовную энергию, одряхла».

При всем том, по Солженицыну, не пропала бы страна, «сохранись крестьянство её прежним патриархальным и богобоязненным. Однако за последние десятилетия обидной послекрепостной неустроенности, экономических метаний через дебри несправедливостей – одна часть крестьянства стивалась, другая разжигалась несправедливой жаждой к доле чужого имущества <...> Это уже не была Святая Русь».

Что касается интеллигенции, образованного общества, либералов – они, по мнению Солженицына, – есть проводники того самого губительного либерально-радикального Поля, которое опутало страну. Либералам достаются самые нелестные эпитеты и характеристики. Князь Львов – размазня. Милюков – окаменелый догматик, засушенная вобла. Гучков – потерявший весь свой задор, усталый и запутляв-

ший. Керенский – арлекин, не к нашим кафтанам... Только два человека удостоились положительных характеристик в статье Солженицына – Столыпин и... Маклаков.

Итак, Солженицын полагает, что в революционной катастрофе виноваты все. Но очень интересно – какие именно обвинения он предъявляет каждому виновнику.

Император Николай виноват в том, что не сумел и не посмел защищать свою власть от взбунтовавшейся черни. При этом Солженицын ставит в пример большевиков, которых ненавидит: они не допустили падения власти в гораздо более тяжелых для них обстоятельствах 1941 года...

Дворянство виновно в том, что почивало на лаврах своих сословных преимуществ. Церковь – упустила духовное руководство народом. А крестьянство – перестало быть патриархальным и богобоязненным.

Таким образом, по мнению Солженицына, Россия избежала бы революции в том случае, если бы власть монарха была незыблема и он бы защищал эту власть во что бы то ни стало; если бы дворянство проснулось от своей спячки и снова стало лидирующим государственным сословием; и главное – чтобы крестьянство (более 80 % населения страны в начале 20 века) – под руководством церкви оставалось бы тем же патриархальным сословием, каким оно было многие сотни лет, молчаливо и терпеливо несла бы тяготы и повинности, обеспечивая самое существование государства...

Нетрудно заметить, что представления Солженицына об

идеальном русском государстве практически совпадают с образом идеальной России у Столыпина и Николая Второго (разве что последний не мог проводить такую линию твёрдой рукой), – при том что реальная Россия в любой момент её развития никогда таким государством не была...

3

К 90-м годам прошлого века среди немалой части историков и публицистов в России сложилась, во многом под влиянием авторитета Александра Солженицына, такая формула: предреволюционная Россия, ведомая Столыпиным и его идеями даже после его смерти, развивалась успешно; если бы не мировая война, то никакой революции не случилось бы; «либералы» раскачали лодку, а когда монархия пала, власть удержать не сумели.

Эта формула всем хороша, кроме одного, но самого главного: она не объясняет причин и результатов революции. Тезис «либералы раскачали лодку – и трехсотлетняя империя пала» – не выдерживает серьезной критики. Грандиозная русская революция, полностью уничтожившая прежний строй жизни огромной страны, предстает каким-то случайным эпизодом, а глубоких причин её не находит даже такой упорный исследователь, как Солженицын, который чуть ли не в лупу рассматривает предреволюционные события. В конце концов, он приходит к выводу, что виноваты – все. Но ведь если виноваты все – это означает, что никто не виноват...

27 сентября 1915 года газета «Русские ведомости» опубликовала статью Василия Маклакова «Трагическое положение

ние». В статье автор предлагал читателям представить такую ситуацию: по горной дороге едет автомобиль, управляемый безумным шофером, который не хочет уступить руля. Вырвать руль – опасно, но ведь автомобиль вот-вот сорвется в пропасть... Что же делать?

Читатели прекрасно поняли Маклакова, в безумном шофере все узнали императора Николая.

Позволим себе использовать эту аллегория, слегка её изменив и развив.

Ответим себе на такой вопрос: когда кучер направляет повозку в пропасть – виноваты ли в этом происшествии сам кучер, лошадь или виновны все участники происшествия?..

Здравый смысл подсказывает нам, что большая часть вины лежит на том, кто направил повозку в пропасть. Лошадь, конечно, могла бы активней сопротивляться убийственным действиям кучера, но у неё слишком мало для этого возможностей...

Эту примитивную модель можно с некоторым допущением перенести на модель существования государства. За движение (развитие или застой) в том или ином направлении отвечают те, кто а) – принимают решение, от которых зависит движение и б) – те, кто влияет на принятие таких решений.

В современном демократическом государстве существует сложная процедура принятия серьезных государственных решений, от которых зависит благополучие общества, жизнь миллионов людей. Исполнительная власть имеет определен-

ные права по принятию решений, эти права ограничены конституцией, законом и традицией. Закон и право регулируются законодательной властью. Законодательная власть избирается гражданами. Возникающие проблемы с законом и его применением решаются властью судебной. За всеми решениями трех первых властей наблюдает четвертая – свободная пресса.

В крахе современного демократического государства вполне можно признать виновными всех – все четыре ветви власти и само общество. Они все будут виновны, ибо все в той или иной мере участвовали либо в принятии решений, либо влияли на такие решения.

В тоталитарных и авторитарных государствах все главные решения принимаются небольшой группой лиц, которые опираются на узкие общественные прослойки. История знает массу примеров, когда решения этих узких групп приводили в близкой или дальней перспективе к кризисам и краху государства.

Российская империя была в самом чистом виде – авторитарное государство. Решения принимались императором и узким кругом приближенных. Этот круг формировался в основном из дворян и высших бюрократов, и все государственные решения в первую очередь учитывали интересы дворян и бюрократии. Интересы других групп населения либо учитывались в последнюю очередь, либо не учитывались вовсе.

Пример: крестьянская реформа 1861 года. Назревшая,

или скорее перезревшая, реформа была проведенная руками самих дворян-помещиков в первую очередь в их интересах, и только во вторую – в интересах крестьян.

Между тем русское крестьянство («лошадь» нашей примитивной модели) – фундамент российской государственности с момента её зарождения. Крестьянство составляло преобладающую часть населения, производило основной, сельскохозяйственный продукт и обеспечивало поступление большей части налогов в государственную казну. Шли века, Русь превратилась в империю, развивалась цивилизация и расцветала имперская культура, – а соки для этой имперской жизни давал «перегной» низовой крестьянской жизни. Русский крестьянин дожил почти до середины 20-го века в той же избе, которую «изобрели» его предки в раннефеодальный период. Появились железные дороги, электричество, кинематограф – а крестьянская семья жила в том же кругу общинной жизни в том же пятистенке, спала вповалку на лавках вдоль стен, ходила по нужде на двор, существовала практически без медицинской помощи...

Русская элита привыкла к своим мужикам, как природному явлению, которое не совсем гуманно, не совсем эстетично, совсем не этично, так что даже порой колет совесть, – но оно – реальность и основа русской жизни. Стоило Радищеву показать голую правду этой русской жизни в «Путешествии из Петербурга в Москву» – его едва не казнили, и даже такой просвещенный человек, как Александр Пушкин, отозвался о

Радищеве так: «*Мелкий чиновник, человек без всякой власти, без всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины!*». ²⁵

Историк Николай Карамзин всячески пытался переменить мнение императора Александра Первого (а затем и его младшего брата Николая, вступившего на престол) относительно необходимости освобождения крестьян. Пушкин напишет в незаконченном «Путешествии из Москвы в Петербург» (ответ Радищеву!): «*Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения... Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков; это очевидно для всякого. Конечно: должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени, и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...*». ²⁶

Русская элита откладывала освобождение крепостных, их постепенное превращение в свободных, обладающих всеми правами граждан, до лучших времен. Александр Второй чуть ли не силой заставил дворянство провести крестьянскую реформу. Сын царя «освободителя» частично повернул вспять отцовские реформы. Среди прочего интересен так называемый указ «о кухаркиных детях», который ограничивал возможности для «низов» учиться в гимназиях и поступать в университеты. Большая часть русского дворян-

ства и в начале 20-го века настаивала на своих сословных привилегиях по принципу: что выгодно дворянству, то выгодно и государству. Так, выступая в 1902 году на заседании губернского «комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности» помещик князь Святополк-Четвертинский заявил: *«Для работника в имениях или крестьянина, обрабатывающего свою землю, нужен физический труд и способность к нему, а не образование. Образование должно быть доступно обеспеченным классам, но не массе, нравственные и государственные взгляды которой таковы, что... с расширением доступа в школы она, несомненно, будет стремиться к государственному перевороту, социальной революции и анархии»*.²⁷

К началу 20-го века в России – 100 млн крестьян, более 80 % процентов населения. Это малограмотная масса подданных, еще не граждан. Они не обладают никакими политическими правами, по отношению к ним применяются телесные наказания (отменены лишь в 1906 году). Они живут обособленной от высших слоёв жизнью в своей общине. Вот портрет крестьянской жизни из повести Чехова «Мужики»:

«В течение лета и зимы бывали такие часы и дни, когда казалось, что эти люди живут хуже скотов, жить с ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живут не согласно, постоянно ссорятся, потому что не уважают, боятся и подозревают друг друга. Кто держит кабак и спаивает народ? Мужик. Кто растрачивает и про-

тивает мирские, школьные, церковные деньги? Мужик. Кто украл у соседа, поджог, ложно показал на суде за бутылку водки? Кто в земских и других собраниях первый ратует против мужиков? Мужик. Да, жить с ними было страшно, но все же они люди, они страдают и плачут, как люди, и в жизни их нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдания. Тяжкий труд, от которого по ночам болит все тело, жестокие зимы, скудные урожаи, теснота, а помощи нет и неоткуда ждать ее. Те, которые богаче и сильнее их, помочь не могут, так как сами грубы, нечестны, нетрезвы и сами бранятся так же отвратительно; самый мелкий чиновник или приказчик обходится с мужиками как с бродягами, и даже старшинам и церковным старостам говорит «ты» и думает, что имеет на это право. Да и может ли быть какая-нибудь помощь или добрый пример от людей корыстолюбивых, жадных, развратных, ленивых, которые наезжают в деревню только затем, чтобы оскорбить, обобрать, напугать?»²⁸

Русское крестьянство не участвовало в принятии каких-либо государственных решений и до 1906 года, когда получило представительство в Государственной думе, не имело никаких возможностей в рамках закона влиять на принятие таких решений. Незаконные методы – бунты, разгромы помещичьих имений и другие проявления неповиновения властям и закону нарастали всю вторую половину 19-го века и к началу 20-го приняли самые широкие масштабы.

В 1898 году историк Василий Ключевский написал в заметках-набросках, которые стали известны только после его смерти: *«Россия на краю пропасти. Каждая минута дорога. Все это чувствуют и задают вопросы: что делать? Ответа нет»*.²⁹

Через несколько лет, летом 1905 года, Ключевский участвует в совещаниях, которые проводит в Петергофе император Николай с участием великих князей, министров и высших сановников. Тема – учреждение Государственной Думы и обсуждение её полномочий. Профессор-историк был близок ко двору, и его мнение как специалиста-эксперта желали знать первые лица государства.

Днём историк участвует в совещаниях с императором, а вечером – вечером обсуждает подробности со своим бывшим учеником по московскому университету Павлом Милюковым, который к тому времени становится одним из лидеров создаваемой партии конституционных демократов.³⁰

Назовём вещи своими именами: крупнейший историк России, близкий ко двору, раскрывает подробности секретных совещаний в верхах одному из лидеров оппозиционного движения... Что могло подвигнуть Ключевского на этот шаг? Причины должны быть очень серьезны, если он, всегда осторожный, – теперь, почти не таясь, становится источником информации для оппозиционеров. Возможно, появление кадетской партии с её программой центристских реформ показалось историку шансом для России.

В 1906 году кадетская партия наберёт на выборах в первую Государственную думу больше голосов, нежели другие политические силы. Главным элементом программы кадетов был аграрный проект, который предусматривал принудительное отчуждение помещичьих земель (владельцам предлагалась компенсация), создание государственного земельного фонда из отчужденных земель, монастырских, императорских (кабинетных) и распределение этого ресурса среди малоземельных крестьян. Кадетское движение видело в этом краеугольном пункте насущную необходимость, которая может снять давний грех русской элиты перед крестьянством, большинством народа. Фактически, это означало бы конец системы помещичьего землевладения в той форме, которая сложилась в России, осуществленный законным путем, без революций и потрясений.

Кадеты вместе с более правыми «октябристами» (партия «17 октября») составляли центр Первой Государственной думы. Слева от кадетов – так называемая «трудовая группа», состоявшая из крестьянских депутатов. Эти три политических силы составляли тогда прочное большинство в Думе, оно могло в главных вопросах – например, аграрном – действовать согласованно. Вся «политическая» Россия ждала именно этого – публичного обсуждения главных вопросов и принятия разумных согласованных решений.

Вот что говорил крестьянский депутат от Полтавской губернии Андрей Тесля 30 мая 1906 года при обсуждении аг-

рарной реформы, которую и Дума, и страна считала самой главной:

«Не предрешая будущего впереди, мы считаем уместным сказать, что крестьяне теперь без земли дальше жить не могут. Ограничение в правах, недоступность к учению, препятствия по службе и абсолютное лишение всего того, чем пользовались и пользуются еще по настоящее время привилегированные сословия и классы, довели крестьян до пределов терпеливости и спокойствия, и если этот крик, стон и требования не вышли пока еще за пределы отчаяния, все те, кто причастен к его вызову, должны поторопиться с предупреждением. <...> До тех же пор, пока не будет возвращено крестьянам все то, что нагло и дерзко оторвано от них помещиками, кабинетами, уделами, монастырями и церквями, пока не будут возвращены им издавна захваченные гражданские и человеческие права, пока их потом и кровью будут питаться дармоеды и паразиты, пока честный справедливый и непосредственный труд не явится единственным источником существования для всех без исключения граждан, до тех пор мирное благоуспейание и развитие страны немислимо. <...> Согласитесь на то, чтобы отныне род людской не делился на два резко разграничивающихся класса: рабов и господ, тружеников и паразитов, созидателей и потребителей, а чтобы все граждане, каждый в отдельности человек вносил должную лепту в общую сокровищницу блага жизни и чтобы лишь тот имел право поль-

*зования её благами, кто своим честным и непосредственным трудом обогащал ими общий куш и пропорционально постольку, поскольку он сделал и вложил в него своего личного труда».*³¹

Эхо подобных речей гуляло по всей России, волнуя «низы» и порождая надежды на справедливое решение аграрного вопроса.

В июне 1906 года, во время первого думского кризиса, «верхи» оказались расколоты. Меньшинство полагало, что надо идти навстречу избирателям и доверить формирование правительства самой популярной партии – кадетам. Эту позицию активно лоббировал генерал Трепов, бывший генерал-губернатор Петербурга, верный слуга царской фамилии. Трепов провел в столичном ресторане «Кюба» переговоры с Милюковым, где были сформулированы основные тезисы программы и даже определён пофамильный вариант будущего правительства.³²

Это была очередная историческая развилка, каких на долгом пути русского государства было немало. Весы истории колебались, прежде чем победил тот или иной вариант русского будущего. Одни вариант вел к демократизации в рамках манифеста «17 октября». Он предполагал разделение власти и ответственности, тесную положительную работу традиционной высшей власти и нового представительного органа – для выработки решений, которые могли устраивать большинство населения страны; возможно, на этой дороге

Россия миновала бы катастрофу 1917 года...

Но большинство, окружавшее трон, выступало против экспериментов. Представители дворянских организаций и высшие бюрократы, в числе которых были министры Столыпин и Коковцов, ратовали за роспуск Думы и жесткую линию в отношении всего того политического спектра, которых оказался левее «октябристов». Император назначил Столыпина председателем кабинета министров. Правительство провело в 1907 году, в нарушение основных законов империи, изменение избирательного закона. Представительство низших сословий, крестьян и рабочих, и так уже неравноправное по сравнению с имущими социальными группами, землевладельцами и буржуазией, было ещё более сокращено. (До революции оставалось десять лет. В мае 1917 года на первом съезде советов крестьянских депутатов Андрей Тесля избран заместителем председателя съезда от украинских депутатов.)

Правящая элита разработала свой план реформ. План был таков: сохранение неограниченной монархии (а Дума будет вспомогательным органом, «департаментом правительства»); беспощадная борьба с революцией – со всеми, кто левее «октябристов»; сохранение помещичьего землевладения; разрушение общины, расслоение крестьянства на богатых, которые присоединяются к помещикам, на безземельных, которые пополняют ряды пролетариата, и на переселенцев.

Широкое расслоение крестьянства уже вне общины, на что была нацелена столыпинская аграрная реформа, должно было разрядить замедленную бомбу нерешённого земельного вопроса. Беспощадное подавление всего, что левее «правого центра», – должно было дать те двадцать спокойных лет, после которых воцарится мир и покой на Руси великой, сохранятся неизменными вековые устои.

Нетрудно заметить, что «элитный» план реформ не учитывал мнений и настроений большинства «низов». Это большинство боялось форсированного, за несколько лет, разрушения крестьянской общины, которая веками служила своеобразной страховкой от возможного разорения для каждой крестьянской семьи. В Западной Европе этот процесс проходил многие сотни лет...

Успех реформаторского «элитного» плана зависел от того, как поведёт себя объект воздействия – русские низовые слои. Как известно, объект оказал сопротивление, план не удался: через 11 лет после разгона Первой Государственной думы русская монархия пала, историческое государство разрушилось, мужики переделали землю помещиков, выгнав и уничтожив их самих... Тот самый метафорический автомобиль Василия Маклакова сорвался-таки в пропасть.

Таким образом, наш простой анализ показывает, что в крахе государства виноват в первую голову «кучер» – высшая русская элита. Она сотни лет принимала решения, которые шли вразрез с духом времени и через десятки развилок

привели к «февралю» и «октябрю» 1917 года.

При попытке понять причины русского краха, следует ответить не только на вопрос «кто виноват?», но и на вопрос «в чем была ошибка?».

Сегодня стало общим местом утверждение, что революция может случиться только в случае раскола элит. Подтверждает ли этот тезис история русской революции?

С одной стороны – да. В феврале 1917 года большая часть русской элиты поддержала отречение императора Николая Второго. Властные структуры государства практически не боролись с революционной стихией. Все – снизу доверху – жили надеждой на новую жизнь, которая будет лучше прежней.

Но уже через год старая русская элита была едина в своем неприятии власти большевиков. Все высшие сословия – против, практически весь политический спектр – от правых до большинства социалистов – против. Гражданская война длится несколько лет, на стороне антибольшевистских сил ведущие державы планеты, но большевикам удаётся сохранить власть... Как это могло случиться?

В одной из своих полемических статей по «маклаковскому» вопросу Вишняк пронизательно замечает, что «*об историко-политическом построении В. А. Маклакова можно*

*сказать, что у него не только история без народа, но и – революция без народа. В его истории революции фигурирует царь, престолопреемник, общественные и партийно-политические группировки, но главное действующее лицо и «деятель» революции отсутствует. Народ даже не упоминается. Упоминается лишь «воля народа», как метафизическая категория и интеллигентский «кумир».*³³

То есть, народ, конечно есть, он существует, но исключительно как пассивный объект, который не имеет собственной воли и является предметом манипуляций. Маклаков не верил в здравый смысл русского простонародья и ждал от него только беды и пугачевщины, в чем он был близок и со Столыпиным, и с императорским кругом, и с «коллективным» дворянством. И, добавим от себя, – и со многими современными интеллектуалами.

По Маклакову, вся политика должна вестись без простонародья – в его же интересах. Такова же была, в сущности, и реформаторская метода Столыпина: решить крестьянский вопрос без самих крестьян, потому что они не готовы разумно участвовать в решении своей судьбы.

«Я всегда считал, – писал Маклаков, – что наш народ не только в его низах, но и на гораздо большей степени развития не справится с задачей самоуправления, и наделает глупостей и несправедливостей, и начнет с того, что будет мстить своим прежним господам; это недоверие к нашей демократии заставило меня панически бояться преждевре-

*менной победы; и для меня очередной задачей должно было быть воспитание демократии к самоуправлению, а вовсе не передача ей власти. Оттого-то я боялся четыреххвостки и, конечно, еще больше революции».*³⁴

Не исключено, что в этом – в оценке способности народа, низовых слоев самим решать свою судьбу – историческая правда была скорее на стороне Маклакова, нежели на стороне его товарищей по кадетской партии. Но беда в том, что российская элита не желала делать нужных усилий для постепенного вовлечения социальных низов в управление государством, для того, чтобы сделать из подданных – граждан. За двести лет императорского периода элита привыкла не обращать внимания на желания и чаяния крестьянства, низовых слоёв общества. Государство решало свои задачи – как понимала их высшая элита – используя низовой слой как неисчерпаемый источник безгласной живой силы. Российскую элиту ничему не научил пример английской и французской революций, даже в начале 20-го века она продолжала считать себя праве решать главные вопросы русской жизни – без учета мнения низов. Когда же низы заявили о своих правах на весомый голос с трибуны Первой государственной Думы – элита ответила разгоном парламента, ужесточением избирательного закона и репрессиями против несогласных.

В юбилейный 2017-ый год автору этих строк довелось присутствовать на конференции, посвященной революции. Один из докладчиков, профессор ведущего московского ву-

за, прямо заявил, что народ сознательно в революции не участвовал, это всё социалисты натворили... Круг замкнулся: русские религиозные философы увидели в революции обезумевший народ, подстрекаемый «беспочвенной» интеллигенцией, а современный историк подтверждает этот диагноз спустя сто лет.

Не разглядел весомой роли «низового» русского народа в революции и знаменитый историк Ричард Пайпс. Он отвергал и опровергал выводы той части западной исторической мысли, которая объясняла движение исторического процесса влиянием «снизу». Пайпс полагал, что революцию делают энергичные единицы, а массы заняты выживанием, бытом. Именно поэтому в своих книгах о русской революции он уделяет гораздо больше внимания студенческим волнениям на рубеже 19-20 веков, нежели крестьянскому движению.

Современный философ Владимир Кантор вслед за «веховцами» видит в русской революции одно только «безумие» – это слово повторяется в его статьях много раз и как характеристика времени и людей, и как инструмент – для объяснения событий.

*«Массы безумны и ждут вождя из сумасшедших. <...> И Ленин пришел. И народ увидел в нём искомого буйного, который своё безумие укладывал в разумные слова».*³⁵

В ноябре 1917 года генерал Деникин, арестованный после большевистского переворота в ставке верховного главнокомандования в белорусском Быхове, бежит из-под ареста и

пробирается под чужим именем на Дон.

«Эти несколько дней путешествия и дальнейшие скитания мои по Кавказу, – пишет Деникин в своих мемуарах, – в забитых до одури и головокружения человеческими телами вагонах, на площадках и тормозах, простаивание по много часов на узловых станциях – ввели меня в самую гущу революционного народа и солдатской толпы. Раньше со мной говорили как с главнокомандующим и потому по различным побуждениям не были искренни. Теперь я был просто «буржуй», которого толкали и ругали – иногда злобно, иногда так – походя, но на которого по счастью не обращали никакого внимания. Теперь я увидел яснее подлинную жизнь и ужаснулся.

Прежде всего – разлитая повсюду безбрежная ненависть – и к людям, и к идеям. Ко всему, что было социально и умственно выше толпы, что носило малейший след достатка, даже к неодушевленным предметам – признакам некоторой культуры, чуждой или недоступной толпе. В этом чувстве слышалось непосредственное веками накопившееся озлобление, ожесточение тремя годами войны и воспринятая через революционных вождей истерия. Ненависть с одинаковой последовательностью и безотчетным чувством рушила государственные устои, выбрасывала в окно вагона «буржуя», разбивала череп начальнику станции и рвала в клочья бархатную обшивку вагонных скамеек. Психология толпы не обнаруживала никакого стремления подняться до бо-

*лее высоких форм жизни; царило одно желание – захватить или уничтожить».*³⁶

Здесь главное ключевое слово – «толпа» (у Кантора – «массы»).

Что это за «толпа», которая пошла за Лениным и большевиками и уничтожила историческое русское государство? Однородная ли это «толпа» якобы охваченных безумием людей или она состоит из разных социальных групп?

Например, есть в этой «толпе» представители русской интеллигенции? Очевидно, что есть. Но много ли их было? Меньшинство, большинство или интеллигенция разделилась на две равные части, одна из которых делала революцию, а другая с ней боролась? Ответ на этот вопрос крайне важен, потому что многие десятилетия интеллигенцию обвиняют в том, что именно она сыграла ключевую роль в подготовке и осуществлении революции. Этот вопрос требует специального рассмотрения, которое выходит за пределы данной статьи. Сейчас скажем лишь, что большая часть русской интеллигенции желала не революции, а только – реформ (иногда в горячке политических споров упоминали революцию, но подразумевалось – реформы). Поэтому она горячо приветствовала февральскую революцию и крайне отрицательно отнеслась к большевистскому перевороту. Уже с 1918 года преобладающая часть русской интеллигенции активно и пассивно сопротивляется большевикам, против них выступает почти весь политический спектр социалистов, что

уж говорить о таких политических группах, как кадеты, и о таких социальных группах, как чиновники.

Разумеется, в этой «толпе» не было подавляющей части русского дворянства, русского духовенства, русских промышленников и купцов, профессуры и студенчества, инженеров и медиков...

Кто же остался в этой «толпе», которая пошла за большевиками (или не хотела идти, как крестьяне, но пришлось выбирать между большевиками и их противниками)?

В этой «толпе», которая с большей или меньшей охотой пошла за большевиками, оказалась почти вся низовая часть русского общества – большая часть крестьянства и рабочих и немалая часть городского мещанства.

Многие мыслящие современники хорошо сознавали реальную расстановку сил. Вот свидетельство Романа Гуля, участника «Ледового похода», написавшего книгу о нём: *«Как добровольно я вступил в Добармию, так же добровольно и ушел. Я не мог оставаться – и политически и душевно. Политически потому, что все существом чувствовал: – такая «офицерская» армия победить не может. Несмотря на доблесть и героизм её бойцов, поражение её неминуемо <...> потому что народ не с ней. К белым народ не хотел идти: господа»*.³⁷

Ожесточенная гражданская война подвела итог: историческая Россия ушла в прошлое. В бывшей монархической империи утвердилась власть большевиков – самых крайних социалистов. Уже в ходе гражданской войны обострились закономерные противоречия между крестьянством и новой властью, но власть до поры уступила, позволила своему временному союзнику остаться с иллюзией победы.

Почему же русский народ – все низовые слои – во время гражданской войны поддержал большевиков, кто – активно, кто – пассивно?

Как мы уже отмечали, император Николай Второй, Столыпин и Солженицын видели благоприятное будущее развитие страны при таких незыблемых основаниях, как самодержавие (пусть даже несколько ограниченное Думой), сохранение помещичьего землевладения, политическое преобладание состоятельных слоёв общества, постепенные реформы в том темпе, который выберет высшая элита.

Низовые слои общества, как это происходило прежде, сотни лет, должны были терпеливо ждать, когда их положение улучшится. Историки и экономисты спорят, каков был темп этих улучшений, но признают, что огромный разрыв в положении «низов» и «верхов» действительно сокращался в

начале 20 века. Отсюда эти постоянные упования со стороны правящей элиты на «спокойные лета» без потрясений и революций: потерпите, и через 20 лет вы не узнаете России...

«Верхи» полагали, что сумеют вывести государственный корабль в спокойную бухту будущего, для этого нужно всего лишь обуздать крайние элементы общества, социалистов всех мастей, фрондирующую интеллигенцию. А «низы», как все столетия русского прошлого, – будут терпеть, их социальная роль – быть «социальным» черноземом, который питает высшую цивилизованную часть общества своими жизненными соками. И поскольку «низы» – неразумные дети, которые сами не знают своей пользы, за них подумают и примут решения «верхи». Голоса крестьянских депутатов в Первой думе – были, в представлении элиты, такими неразумными выкриками неразумных детей, которых необходимо для их же пользы окоротить, привести к подчинению, не обращая внимания на их настроения.

*«Имея в виду, что история – процесс не логический, а народно-психологический и что в нем основной предмет научного изучения – проявление сил и свойств человеческого духа, развиваемых общежитием, – писал Ключевский, – подойдем ближе к существу предмета, если сведем исторические явления к двум перемежающимся состояниям – настроению и движению, из коих одно постоянно вызывается другим или переходит в другое».*³⁸

То есть, по Ключевскому, историческое движение опре-

деляется настроением масс. Или, говоря современным языком, определяется коллективным бессознательным масс...

Каковы же были настроения крестьянских масс, которые составляли преобладающее большинство населения России, в начале 20-го века? Каково их коллективное бессознательное?

*«Единичные крестьянские выступления, – пишет один из крупнейших исследователей крестьянства Виктор Данилов, – были постоянным явлением российской действительности. Новое проявилось в 1902 г. Оно состояло в том, что выступление крестьян одного селения по самому заурядному поводу (непомерно высокие цены за аренду земли и непомерно низкие цены за рабочие руки, скверные условия труда, произвол и т. п.) служило детонатором дня выступления крестьян в соседних селениях, а эти в свою очередь детонировали выступления в других... <...> все они уходили своими корнями в крестьянское малоземелье. Новым и неожиданным явился также радикализм крестьянских настроений и требований. Многие выступления сопровождались захватами помещичьих земель, взломом хлебных амбаров и вывозом зерна, поджогами усадеб, часто принимали характер восстаний с открытым сопротивлением полиции и даже войскам. Сразу же со всей ясностью обнаружилось, что сила и масштабы крестьянского движения резко возросли, а характер радикализировался».*³⁹

Крестьяне Российской империи были убеждены в том, что

земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает своим трудом. Решения о захвате помещичьих земель, о вывозе сельхозпродуктов из помещичьих амбаров, о снижении арендной платы за землю принимались на общинных сходах и в глазах крестьян становились легитимными. Крестьянская община, веками служившая для русской власти средством контроля и управления крестьянским сословием, превращалась в инструмент борьбы крестьян за свои права. Доходило до того, что община объявляла о полном неподчинении государству. Марковская республика в Волоколамском уезде Московской губернии просуществовала с 31 октября 1905 года по 16 июля 1906.

*«Россия вступила в XX в. с сохранением помещичьего землевладения при крестьянском малоземелье, с выкупными платежами крестьян за «освобождение» от крепостного права, с политическим господством помещиков в деревне, с крестьянским бесправием, доходившим до административной (без суда) высылки из родных мест и даже телесных наказаний – прямого пережитка крепостного рабства. Сохранение крепостнического насилия над деревней, промедление с проведением давно назревших социально-экономических реформ делало неизбежным революционный взрыв», – к таким выводам приходит Виктор Данилов.*⁴⁰

Как уже было сказано, последняя развилка, на которой Россия, возможно, могла избежать этого революционного взрыва, был короткий период работы Первой русской ду-

мы в 1906 году, когда сложилась центристское парламентское большинство, состоявшего из октябристов, кадетов и т.н. «трудовой группы», крестьянских депутатов. Помимо трудовиков, крестьяне на выборах голосовали и за кадетов, их привлекала кадетская программа изъятия помещичьих земель. Кадетская партия в глазах крестьян была «господской», партией «начальства», и её поддержка говорит о том, что крестьяне тогда ещё возлагали надежды на власть, на справедливое с их точки зрения разрешение земельного вопроса, которое придёт сверху. Недаром же на переговорах с Милюковым генерал Трепов оговаривал возможность принудительного отчуждения помещичьих земель – только в виде царского «подарка» народу, но не думского решения...

В июле 1906 г., после роспуска Государственной думы первого созыва, Ключевский писал в письме А.Ф. Кони: *«Я был вынужден признать два факта, которых не ожидал: это – быстрота, с какою сложился взгляд на неё, как на самый надёжный орган законодательной власти, и потом бесспорная умеренность господствующего настроения, его проявленного. Это настроение авторитетного в народе учреждения неизмеримо умереннее той революционной волны, которая начинает нас заливать, и существование Думы – это самое меньшее, ценою чего может быть достигнуто бескровное успокоение страны».*⁴¹

Но российская власть привычно предпочла не обратить внимания на требования представителей большинства на-

селения страны, отказалась от сотрудничества даже с центристской оппозицией и выбрала силовой вариант решения крестьянской проблемы. Вот типичный приказ министра внутренних дел П. Дурново киевскому генерал-губернатору: «...немедленно истреблять, силою оружия бунтовщиков, а в случае сопротивления – сжигать их жилища... Аресты теперь не достигают цели: судить сотни и тысячи людей невозможно».⁴²

После того, как с 1907 года крестьянские волнения пошли на спад, власти казалось, что она добилась своих целей. Но через десять лет, уже в условиях мировой войны, когда историческое русское государство пошатнулось, мужик-крестьянин не подставил ему плеча, – ему, мужику, грезилось, что в новой, неведомой жизни, без царя, дворян и помещиков его доля изменится к лучшему.

И можно ли винить его за эту наивную веру?

«Новый душевный тип, призванный к господству в революции, поставляется из рабоче-крестьянской среды, – писал Николай Бердяев. – Новые люди, пришедшие снизу, были чужды традициям русской культуры, их отцы и деды были безграмотны, лишены всякой культуры и жили исключительно верой. Этим людям свойственно было ressentiment по отношению к людям старой культуры, которое в момент торжества перешло в чувство мести. Народ в прошлом чувствовал неправду социального строя, основанного на угнетении и эксплуатации трудящихся, но он кротко и смирен-

*но нес свою страдальческую долю. Но наступил час, когда он не пожелал больше терпеть, и весь строй души народной перевернулся. Это типический процесс. Кротость и смиренность может перейти в свирепость и разъяренность. Ленин не мог бы осуществить своего плана революции и захвата власти без переворота в душе народа. Переворот этот был так велик, что народ, живший иррациональными верованиями и покорный иррациональной судьбе, вдруг почти помешался на рационализации всей жизни, поверил в возможность рационализации без всякого иррационального остатка, поверил в машину вместо Бога».*⁴³

*С другого боку, прагматически, с Бердяевым сходится Владимир Ленин: «в русской деревне появился новый тип – сознательный крестьянин, вышедший из деревенской среды, прекрасно знавший не только ее настроения, но и «болезненные стороны», затрагивая которые, он превращался в настоящего политического вожака. Он общался с «забастовщиками», он читал газеты, он рассказывал крестьянам о событиях в городах, он разъяснял деревенским товарищам значение политических требований, он призывал их к борьбе против крупных землевладельцев-дворян, против попов и чиновников».*⁴⁴

Этот «новый тип» русского мужика с «перевернутым» душевным строем не мог позволить вернуться «господам». После 1917 года помещичьи земли были переделены между членами общин, имения разграблены или сожжены, многие

землевладельцы и члены их семей были истреблены физически (чего не было еще в начале века во время крестьянских волнений).

На выборах в Учредительное собрание крестьяне отдали свои голоса эсерам, а кадетская партия получила лишь голоса городской интеллигенции. То есть за немногим более десяти лет между двумя русскими революциями в сознании крестьянства произошел коренной сдвиг: они утратили надежду на реформы сверху...

Уже с 1918 года, когда большевики двинули в деревню продотряды, крестьянство осознало, что и новая власть им враждебна. Крестьяне не столько выбирали между большевиками и «белыми», сколько пытались выжить, найти свою нишу жизни среди двух враждующих стихий. Но было одно главное обстоятельство, которое решило дело: в сознании крестьянства «красные» отличались от «белых» тем, что не покушались на их права на землю. Да, руководители «белого» движения не раз подчеркивали, что их цель – победа над узурпаторами-большевиками, что все злободневные вопросы решит Учредительное собрание... Но «господско-офицерский» дух белых армий убеждал мужика-крестьянина в обратном. Именно такая позиция большинства русского народа – не поддерживать это «господское» движение – не позволило белым армиям победить большевиков. Это и был тот самый «форс мажор», о котором писал Милюков в своей статье-возражении на обвинения Маклакова.

Большеви́стский переворот казался почти всем современникам случайным эпизодом. Существовало такое мнение, что стране нужно пройти через левацкий катаклизм – это будет уроком и залогом выздоровления. Но большеви́стский режим оказался удивительно устойчивым. Он вроде бы должен был вот-вот пасть осенью 1919 года, когда армия Деникина подошла с юга к границам московской губернии, но вновь – выстоял, а силы белых, наоборот, словно растаяли.

Почему, несмотря на материальную и моральную поддержку союзников по Антанте, все усилия белых армий оказались тщетны? Почему каждый раз в критический для большевиков момент они оказывались способны не просто выстоять, а набрать новые силы и победить? Кто составлял реальную движущую силу большеви́стского движения, помимо верхнего слоя политиков, теоретиков, бывших подпольщиков?

В воспоминаниях Тырковой-Уильямс фигурирует любопытный персонаж, крестьянин-кооператор Иевлев, который представляется автору новым культурным типом, человеком будущей России: *«...кажется он был с.-р., – но об этом по-малкивал, не хотел вредить своей кооперативной работе, ради которой ему приходилось ходить по правительственным учреждениям и поддерживать отношения с чиновниками. <...> Настойчивый и выдержанный, он быстро закрепил за собой заслуженную славу дельного работника, на которого можно положиться. Несмотря на его молодость,*

*с ним считались».*⁴⁵ К сожалению, Тыркова-Уильямс ничего не пишет о послереволюционной судьбе этого человека – она, конечно, не могла этого знать... Но интуиция подсказывает нам, что, скорее всего, он был активным участником революционных событий. Вот из таких и выходили эсеры и большевики низового уровня.

Большевистскую политику несли в низовые массы рядовые политического процесса – бывшие крестьяне, ставшие пролетариями, учителями, писарями. Они были связующим элементом между деревней с её традиционным укладом и городом, где создавалась и кипела другая, новая жизнь. Из этих людей формировались крестьянские фракции первых русских дум. Их голос слышала вся Россия с парламентской трибуны.

Мировая война многократно увеличило эту социальную группу. Миллионы таких русских мужиков прошли школу войны – школу социального и политического взросления и единения. Советы солдатских депутатов возникли раньше крестьянских и имели гораздо большее влияние. Участники этой социальной группы стали настоящей опорой большевиков в годы гражданской войны. Они были активным ядром красных армий, они сражались с белыми не щадя жизни, они умели говорить с деревенским мужиком и рекрутировать его в красную армию. Аргумент был прост: белые вернут господ... Большевистская власть представлялась тогда гораздо меньшим злом – несмотря на продрозверстку.

Эти миллионы бывших крестьян – и шире, выходцы из «низов» – стали опорой новой власти и после гражданской войны. Они сформировали средний и нижний административный уровень: партийные и хозяйственные органы. Малообразованные, они познавали азы управленческой науки на практике, становясь начальниками и руководствуясь в первую голову своим классовым инстинктом. Наиболее способные из них сделали карьеру на самом высоком уровне власти. После чисток 30-х годов, когда были уничтожены старые кадры, они заполнили ряды высшего руководства. Политбюро ВКП (Б) по итогам 19 съезда в 1939 году – тому яркий пример. Там и в самом деле в подавляющем большинстве прямые выходцы из низовых слоев общества: пролетарии и крестьяне.

«Веховцы», Александр Солженицын, Василий Маклаков и многие современные интеллектуалы видят в революции только «безумные» массы, которые не ведали, что творят, разрушая историческое государство или не сопротивляясь разрушению. И возлагают вину за происшедшее – на русскую интеллигенцию, которая, будучи якобы безответственной и «беспочвенной», будто бы внушила тёмному народу вредные мысли о несовершенстве исторического государства, о вине «верхов» перед «низами»...

В самом деле, могла ли русская интеллигенция внушить какие-то неподобающие мысли низовым слоям русского народа? На наш взгляд, на этот простой вопрос нет простого ответа. Утверждения Ричарда Пайпса о том, что знаменитые московские «обеда» русских либералов в начале 20-века могли взбудоражить крестьянство, – сегодня могут вызвать только улыбку. Несмотря на энциклопедические знания о России, американский историк всё-таки до конца не понимал, какая пропасть, в том числе информационная, разделяла тогда образованных либералов и русское простонародье.

По мысли обвинителей интеллигенции, – будь она «почвенной» и ответственной, она должна была нести русскому

низовому сознанию мысли о богоизбранности власти, о терпении, постепенном улучшении жизни; о том, что «низы» должны положиться на любовь «царя-батюшки» к своему народу, – то есть всё то, что составляло официальную пропаганду власти и православной церкви. Не о том ли писал в «Вехах» в 1909 году Михаил Гершензон: *«Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ещё ограждает нас от ярости народной»*.⁴⁶

Надо сказать, что почти все те личностные обвинения по адресу русских интеллигентов в догматизме, в преувеличении «социального» над «индивидуальным» – были верны. Русский интеллигент, зависший между низовым народным слоем и властью, – был своеобразным социальным камертоном неблагополучия, царившего в дореволюционной России. Он был способен своё ощущение неблагополучия формулировать и доносить до тех, кто способен услышать. Но этот голос скорее был слышен «верхами», нежели «низами». Роль интеллигенции в революционизации «низов» – сильно преувеличена. Это такой интеллигентский миф о самой себе, о своей способности сокрушительно влиять на социальные процессы. Кто сформировал «бунтовское» сознание участников движения Степана Разина или Емельяна Пугачева? Неужто, интеллигенция 17-го и 18-го века? Какая бы она ни была... Или, всё-таки, причинами крестьянских дви-

жений были реальные настроения низовых народных масс, сформировавшиеся у них на основе их реального социального опыта?..

Русское низовое сознание питалось своими собственными реальностями и мифами, обидами и надеждами. Просвещённая элита, влияющая на власть, могла разве что улавливать токи и настроения, которые господствовали в низах, могла слышать катастрофические сигналы – и предлагать свои варианты предотвращения социальных катастроф. Программа кадетской партии, предложенная русскому народу в 1906 году, – и была таким ответом вызову времени.

В 1917 году сходятся два социально-психологических процесса.

С одной стороны, ветшала и разрушалась система управления, построенная по принципу отсутствия обратной связи, когда огромной страной управляет узкий слой бюрократов, уже не совсем уверенных в своём праве управлять...

С другой стороны, большая часть населения империи потеряла веру в сакральность высшей власти: царь-батюшка стал для низов Николашкой, царица, по слухам, путается со срамным мужиком Распутиным, а остальные уровни власти – «бояре» всех мастей – никогда в народе не пользовались доверием и популярностью...

Государство, как система разумного управления огромной территорией, рухнула, и сразу образовались два центра власти. Один вышел из прежней системы – комитет Государ-

ственной думы и Временное правительство. Другой образовался словно бы на пустом месте – Совет. А оказалось, что за Советом – огромное большинство, в том числе главная сила воюющей страны – низовой слой армии. Солженицын недоумевает в своей статье о Феврале – что не нашлось ни одной боеспособной части, которая бы усмирила смутьянов на улицах Петербурга. Так ведь в том-то и дело, что – именно не нашлось... Будущий герой белого движения Кутепов согласился было взять на себя миссию усмирения, да некем было командовать.

Та же история повторилась в августе 1917 года, когда посланные Корниловым войска генерала Крымова дошли до пригородов столицы и там, распропагандированные, отказались повиноваться...

Увы, следует признать, что большая часть населения империи с радостью приняла крах монархии, а затем – и всего русского государства. Для всей «низовой» русской массы это государство уже не представляло какую-либо ценность.

Крестьяне – как социальная группа – совершенно не боялись разрушения привычных основ жизни, которым занялись большевики. Всё это поначалу даже не касалось крестьянского мира. Запрет торговли, денег, банковских операций? Это был кошмар для всех в России, кроме крестьян. Это был кошмар для городов, но не для русской деревни, в которой проживало более 80 % населения. В деревне все было просто: есть земля-кормилица, весной посадим, осенью

снимем урожай. И этот урожай – самая устойчивая валюта в том мире, в котором живут крестьяне.

Крестьяне много сот лет ждали, когда смогут осуществить свои главные мечты: уничтожить помещика и справедливо поделить землю. Для них это стало возможным в 1917 году. Все остальное, все, что явилось трагедией для образованных групп россиян – разрушение исторического государства, интеллектуального, культурного слоя жизни – все это было несущественно для русского мужика, который не был гражданином, а только подданным, притом – подданным самого последнего сорта. В трудную минуту для исторического государства низовые русские слои не только не помогли ему выстоять, а наоборот – сделали все, чтобы оно разрушилось. Для этих слоев Россия – как государство – была не матерью, которую следует защищать, не щадя живота своего, а только – злой мачехой, от которой избавляются в удобную минуту. Русский мужик, преобладающая часть социальной дореволюционной пирамиды, совершенно спокойно перенес исчезновение всей той сложной политико-культурной надстройки над его деревенским миром, не заглядывая далеко в будущее – на это он был не способен. Ему не нравилась новая большевистская власть, но старая была для него – неизмеримо хуже.

После 1917 года на авансцену русской жизни выходит «низовой» русский человек, крестьянин или пролетарий, который наполовину тот же крестьянин. Уничтожив социально

и физически высшие сословия погибшей империи, отодвинув интеллигента на второй план, он теперь будет определять правила жизни. Большевистская власть будет опираться на этого «низового» человека, потому что у неё нет другого выхода.

Этот новый человек будет определять все условия новой жизни – от быта до культуры. В ней, в культуре, теперь, как и в реальной социальной действительности, на первом плане – выходцы из социальных низов. Вместо Онегиных, Печоринных и других дворян или разночинцев – в новой России на первом плане – такие типы, как Григорий Мелехов и Василий Теркин.

При обсуждении причин революции и развала русского государства довольно часто упоминается первая мировая война. Выстраивается такая линия аргументации: что Россия развивалась вполне удовлетворительно до 1914 года, но мировая война нарушила этот процесс, обострила внутренние противоречия, что и привело к катастрофе. И что, не случись войны, страна бы устояла, реформировалась бы по заветам Столыпина, и через двадцать-тридцать лет стала бы мировым лидером по всем параметрам.

Дополняется эта линия другими примерами – Германия, Австро-Венгрия, Османская империя. Примеры должны убедить нас, что случившееся с Россией, – довольно типическое явление, не она одна такая несчастная.

Насколько удовлетворительна такая линия аргументов?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять, что же произошло в этих государствах – в Германии и других – на исходе первой мировой войны и каковы оказались долгосрочные последствия этих изменений.

Первое, что мы видим – что все эти монархические империи по итогам войны прекратили свое существование в той политической форме, каковая была им присуща до войны. Как и Россия.

Второе – все они, за исключением Германии, трансформировались в ряд самостоятельных государств, которые до того были составными частями этих империй и в той или иной степени обладали самоуправлением. Из Австро-Венгрии, например, вышли Австрия, Венгрия и Чехословакия, некоторые её части вошли в другие государства. От бывшей Российской империи отпали балтийские территории и Финляндия.

Третье, что объединяет бывшие империи (но отличает их от российской), – то, что на их месте возникли государства, которые унаследовали общий порядок жизни: рыночную экономику и буржуазное политическое устройство.

Что же касается союзников России по первой мировой войне – Франции и Великобритании, то, несмотря на громадные потрясения и жертвы, эти буржуазно-демократические государства устояли в прежних формах.

Итак, очевидно, что хотя в бывших европейских империях (кроме России), война и её итоги изменили политические системы и способствовали возникновению новых этнических государств, – основы жизненного устройства на этих территориях не были поколеблены.

Россия оказалась единственной страной среди ведущих мировых держав, в которой по итогам войны не только изменились форма правления и политическое устройство, – здесь во многом был уничтожен сам прежний образ жизни.

Была ли война главным фактором этого уничтожения?..

Послушаем непосредственного свидетеля тех давних событий.

Николай Бердяев писал в 1915 году: « *В этот решительный для русского сознания час необходимо ясно и мужественно сознать подстерегающие нас опасности. Война может принести России великие блага, не материальные только, но и духовные блага. Она пробуждает глубокое чувство народного, национального единства, преодолевает внутренний раздор и вражду, мелкие счеты партий, выявляет лик России, кует мужественный дух. Война изобличает ложь жизни, сбрасывает покровы, свержает фальшивые святыни. Она – великая проявительница. <...> Мировая война, в кровавой круговорот которой вовлечены уже все части света и все расы, должна в кровавых муках родить твердое сознание всечеловеческого единства. Культура перестанет быть столь исключительно европейской и станет мировой, универсальной. И Россия, занимающая место посредника между Востоком и Западом, являющаяся Востоко-Западом, призвана сыграть великую роль в приведении человечества к единству».*⁴⁷

То есть, Бердяев тоже отдал определенную дань националистическому энтузиазму в начальный период войны. Этот энтузиазм в той или иной степени проявился во всех воюющих странах и во всех сословиях.

Но скоро общественные настроения во всех слоях общества изменились. И Бердяев пишет в своих статьях уже о дру-

ГОМ: *«Война есть страшное зло и глубокая трагедия, но зло и трагедия не во внешне взятом факте физического насилия и истребления, а гораздо глубже. И на глубине этой зло и трагедия всегда даны уже до войны и до её насилий. Война лишь проявляет зло, выбрасывает его наружу. <...> Война лишь выявила и проецировала на материальном плане наши старые насилия и убийства, нашу ненависть и вражду».*⁴⁸

Русская власть применяла самые жестокие силовые меры против участников аграрных беспорядков в первое десятилетие 20-го века. Когда эти беспорядки удалось подавить, у власти, по-видимому, создалось впечатление, что самое плохое позади, что огонь вековой крестьянской ненависти погашен. Она, власть, следовала привычной методе обращения с «низами», которая применялась веками и, казалось, доказала свою эффективность: «низы» иногда бунтуют, но хорошая взбучка успокаивает их на десятилетия. Но первая мировая война стала первой в истории человечества войной, когда в армию пришел «массовый» человек, а в России этим «массовым» человеком был крестьянин, у которого мечта о «земле и воле» никогда не исчезала из сознания и души.

Страна оказалась расколота на две неравные части. С одной стороны – многомиллионная масса мужиков-крестьян, передовой отряд которых был одет в солдатские шинели. За их спинами стояли все остальные «низы». С другой стороны – русская власть и связанные с ней образованные слои. С одной стороны – неприязнь до ненависти, рессентимент

и ощущение массовой силы, с другой – деградация и распад государственного механизма, нравственная порча высших сословий. *«Оргия химических инстинктов, безобразной наживы и спекуляции в дни великой мировой войны и великих испытаний для России есть наш величайший позор, темное пятно на национальной жизни, язва на теле России, – писал Бердяев. – Жажда наживы охватила слишком широкие слои русского народа. Обнаруживается вековой недостаток честности и чести в русском человеке, недостаток нравственного воспитания личности и свободного ее самоограничения. И в этом есть что-то рабье, какое-то не гражданское, догражданское состояние. Среднему русскому человеку, будь он землевладельцем или торговцем, недостает гражданской честности и чести. Свободные граждане не могут спекулировать, утаивать продукты первой необходимости и т. п. во время великого испытания духовных и материальных сил России. Это несмываемый позор, о котором с содроганием будут вспоминать будущие поколения наряду с воспоминанием о героических подвигах русской армии, о самоотверженной деятельности наших общественных организаций».*⁴⁹

Война действительно стала настоящей «проявительницей» нравственного и этического состояния русского общества.

Бердяев горько замечает о «догражданском состоянии» даже образованной части русского народа. Что же говорить о

его, народа, низовой части, для которой отвлеченные понятия геополитики или исторической роли русской цивилизации в мировом развитии – были просто пустым звуком. Мировоззрение и интересы «низов» не распространялись далее крестьянских представлений о пользе и не выходили за пределы ареала их жизни – крестьянского двора, деревни, ярмарки и т.д.

Война выявила управленческую импотенцию русской власти. В том время как неспособность русской властной элиты управлять огромной страной проявлялась все сильнее, навстречу росла способность самоорганизации низовой левой части русского общества. Вспомним, с какой скоростью были созданы после февраля 1917 года структуры различных Советов, какой поддержкой они – вдруг – стали пользоваться у больших масс населения. Старая Россия на глазах словно бы растворялась в море взбаламученного мещанства...

Стало ясно, что вера русской элиты в низовую поддержку или хотя бы в привычную покорность – это была ошибка, заблуждение. Массовый человек требовал своего места в общественном устройстве жизни, и если элита была слепа, своекорыстна и не хотела поделиться с низами плодами общественного производства, допустить низы до участия в принятии решений, – рано или поздно социальная система нашла бы свою новую точку равновесия. Если не с помощью разумных реформ – так путём социального катаклизма.

Не случись мировой войны – внутреннее состояние рус-

ского государства не изменилось бы. Настроение большей, подавляющей части населения было не в пользу правящего слоя и привычного строя жизни. Любой кризис, даже мирного времени, мог бы привести к социальному взрыву с теми же последствиями, что и в феврале 1917 года.

При всем отрицательном отношении к большевизму – как учению и как политической практике – следует отдать ему должное за точный анализ социального положения в дореволюционной России.

Русская правящая элита довела страну до революции – это неоспоримый факт. До самого конца существования Российской империи Николай Второй и большая часть его окружения, «коллективное дворянство» всех мастей и уровней, – упрямо пытались сохранить старую сословную Россию, если не юридически, то фактически. Ту самую, которую Николай Второй считал своею «божеской» собственностью. Ту самую, о которой позже будет сожалеть Солженицын...

Да, русская элита осознавала необходимость реформ (Витте, кадеты). Но властная группировка (царь, Столыпин и многие высшие бюрократы) полагали, что нужны лишь те реформы, которые обеспечат нейтрализацию «левой угрозы», усмирение крестьянского недовольства при сохранении незыблемости политического устройства, закрепляющего прежние, традиционные устои, где интересы и настроения «низов» почти не принимаются во внимание.

«Низы» не согласились с таким способом реформирования исторической России. Произошла революция, которая

обернулась новой, невиданной и неслыханной «пугачевщиной» 20-го века. Старая Россия была уничтожена почти до основания.

Но кто же стал победителем в русской революции?

Привычный ответ – большевики.

Но большевики – верхний, «кадровый» слой – были всего лишь узкой группой политиков, которые «оседлали» массовый процесс и направили его в нужное русло. Да, они стали фактическим правящим сословием на десятилетия, но они не сумели бы удержать власть, если бы не опирались на какие-то группы населения, которые выиграли от революционного катаклизма.

Какие из русских социальных групп получили выгоды от разрушения русского государства и победы большевиков над «белым» движением?

Все высшие социальные группы бывшей России – дворянство, бюрократия, духовенство, купечество, промышленники – были уничтожены социально. Часть этих социальных групп бежала за границу, часть была физически уничтожена, малая часть сумела войти в новую жизнь на новых условиях.

Как изменилось положение русских рабочих после революции и гражданской войны? Ответ вроде бы напрашивается: они – победители, на них опирались большевики, вся риторика новой власти – про-пролетарская. На самом деле, положение рабочих если изменилось, то, возможно, к худшему... Материальное их положение после гражданской войны

не стало лучше, постепенно рабочие стали чем-то вроде новых крепостных при заводах и фабриках.

Русская революция по своим итогам – победа крестьянства над высшими российскими сословиями. Крестьянство – единственная социальная группа, которая выиграла по итогам революции: помещичье землевладение было уничтожено, вся земля – дворянская, кабинетная и любая другая в деревне – была переделана крестьянами между собой. Вековая мечта русского мужика исполнилась... Да, через десять лет большевистская власть уничтожит крестьянство, превратив его в подневольную армию сельхозрабочих. Но десять лет после гражданской войны – золотой век русского крестьянства.

Возможно, этот золотой век длился бы по сию пору, если белому движению удалось бы победить большевиков. Представим себе на минуту, что Деникин взял Москву осенью 1919 года. А воодушевленная армия Колчака пришла бы в древнюю столицу с востока. А затем бы пал и Петроград. И верхушка большевиков искала бы себе убежище по всему миру...

Что произошло бы в этом случае в новой России, России без большевиков?

Реставрация монархии?

Реставрация была невозможна. Царская власть дискредитировала себе полностью не только в глазах «низов», но и «верхов». Трудно поверить, что парламент новой России, из-

бранный по пресловутой «четырёххвостке», утвердил бы монархию в качестве способа правления. Большинство в парламенте имел бы левый центр – кадеты, эсеры и меньшевики.

Вернули бы землю помещикам?

Это было невозможно. Власти пришлось бы утвердить передел земель, как это произошло в странах Восточной Европы после первой мировой войны – с выплатой той или иной компенсации или вовсе без неё.

Новая власть ничего не смогла бы сделать – идя наперекор желаниям крестьянства, которое было бы главной социальной силой и составляло бы основу армии.

В некотором смысле исполнился бы тот вариант развития страны, который предлагали кадеты в 1906 году. В этом случае началась бы другая история России и, возможно, гораздо более успешная, гораздо менее кровавая. И, возможно, не только новая история России, а и – всего мира...

Увы, на весах истории несовершенства старой России перевесили возможность быстрой и относительно безболезненной ее трансформации. Великие революции – английская, французская – расчищали дорогу капитализму, не разрушая основ жизни общества. Великая русская революция разрушила эти основы совершенно, и они не восстановлены до сих пор. Победила новая «пугачевщина», призрак которой витал над страной полтора столетия. Тёмная крестьянская стихия, уничтожившая старую жизнь, получила адекватную ей оболочку – тоталитарную власть, – а эта рухнула

под своим грузом несовершенств совсем недавно, породив новые проблемы, которые не разрешены по сей день и угрожают самим основам существования российского общества и государства.

Прошлое не вернуть, не повторить заново, исправленное.

Но прошлое можно понять, извлечь уроки – чтобы не повторять старых ошибок, которые в нашей истории и создают порочный круг: воссоздание тиранического государства, корыстная элита, задавленные и оболваненные «низы», а потом – новый социальный взрыв и откат в прошлое.

Жизненно необходимо разорвать, наконец, этот порочный круг.

Библиографические ссылки:

¹ Берхин И.Б., Федосов И.А. История СССР: учебник для 9 класса. – М.: Просвещение, 1982. С. 122.

² Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. С. 459.

³ Там же. С. 382.

⁴ Там же. С. 478.

⁵ Там же. С. 242.

⁶ Там же. С. 414.

⁷ Там же. С. 432.

⁸ Там же. С. 496.

⁹ Там же. С. 476.

¹⁰ Там же. С. 422.

¹¹ Там же. С. 442.

¹² Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России.– Париж, 1936. С. 298.

¹³ Там же. С. 601-602.

¹⁴ Миллюков П.Н. Суд над кадетским либерализмом // Современные записки. 1930. № 41. С. 349.

¹⁵ Там же. С. 358.

¹⁶ Там же. С. 359.

¹⁷ Там же. С. 366.

¹⁸ Там же. С. 367-368.

¹⁹ Там же. С. 369-370.

²⁰ Вишняк М.В. О русской революции, – кануны и свершения // Современные записки. 1929. № 38. С. 321-322.

²¹ Там же. С. 325.

²² Там же. С. 325-326.

²³ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 6. – М., Л., 1926. С. 260 – 268.

²⁴ Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией // Российская газета. 26 февраля 2007.

²⁵ Пушкин-критик. М.: ГИХЛ, 1950. С. 495.

²⁶ Пушкин А. С. Собрание сочинений. Т. 6. – М.: ГИХЛ, 1959—1962. С. 395.

²⁷ Зырянов П.Н. Петр Столыпин: политический портрет. – М.: Высш. шк., 1992. С. 19.

²⁸ Чехов А.П. Мужики. – М.: ЛИТРЕС, Public Domain. С. 24.

²⁹ Ключевский В.О. Собрание сочинений. Т. 9. – М.:

Мысль, 1990. С. 417.

³⁰ Милюков П.Н. Воспоминания. Т.1. – М.: Современник, 1990. С. 305.

³¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. – Государственная типография, 1906. С. 838.

³² П.Н. Милюков, Воспоминания. Т. 1. – М.: Современник, 1990. С. 376.

³³ Вишняк М.В. О русской революции, – кануны и свершения // «Современные записки». 1929. № 38. С. 343.

³⁴ Будницкий О. В. Маклаков и журнал «Современные записки» // Вокруг редакционного архива «Современных записок». – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 226.

³⁵ Владимир Кантор. Вступление в эпоху ужаса. URL: <http://gefter.ru/archive/24239> (дата обращения: 10.05.2020).

³⁶ Деникин А.И. Путь русского офицера». – М.: ПРОЗА-иК, 2014. С. 600.

- ³⁷ Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т.1. – М.: Б. С. Г. – ПРЕСС, 2001. С. 53.
- ³⁸ Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории. – М.: ЛИТРЕС, Public Domain. С. 219.
- ³⁹ Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902 – 1922 гг.: Материалы конференции «Крестьяне и власть». – Москва-Тамбов, 1996. С. 4-23.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Письма от Ключевского В.О. Кони А.Ф. ГАРФ, ф. 564, оп.1, д. 2099, л. 5.
- ⁴² Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902 – 1922 гг.: Материалы конференции «Крестьяне и власть». – Москва-Тамбов, 1996. С. 4-23.
- ⁴³ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: ЛИТРЕС, Public Domain, 2009. С. 72.
- ⁴⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30.– М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 316.

⁴⁵ А. Тыркова-Уильямс. На путях к свободе. – М.: Московская школа политических исследований, 2007. С. 385.

⁴⁶ Вехи. Из глубины. – М.: Правда, 1991. С. 90.

⁴⁷ Бердяев Н.А. Судьба России: Кризис искусства. – М.: Канон+, ОИ «Реабилитация», 2004. С. 29.

⁴⁸ Там же. С. 90.

⁴⁹ Там же. С. 183.